

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

**ЗАЧЕМ СТАЛИН
СОЗДАЛ ИЗРАИЛЬ**

Вспомнить всё

Леонид Млечин

Зачем Сталин создал Израиль?

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Зачем Сталин создал Израиль? / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040606-1-2

Среди евреев всегда было распространено сильное стремление возвратиться на историческую родину и создать свой «национальный очаг», но в реальности Палестина принадлежала арабам, а управляла ею Великобритания. Историческое решение Сталина поддержать план раздела Палестины на два самостоятельных государства поставило точку в еврейском вопросе: государство Израиль было провозглашено. Чем был продиктован данный шаг советского руководителя, и почему позднее дружественная политика по отношению к Израилю стала враждебной? Какие цели преследовал Сталин на Ближнем Востоке, и что принесло это нашей стране? Автор попытался ответить на все эти вопросы, используя рассекреченные документы из архива внешнеполитического ведомства.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040606-1-2

© Млечин Л. М., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Майский и Вейцман	8
Декларация Бальфура	10
Мнение Дзержинского	15
Филби-старший, Филби-младший и ваххабиты	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Млечин

Зачем Сталин создал Израиль

От автора

Все, кто по моей просьбе читал рукопись этой книги и кому я обязан ценными замечаниями, советовали придумать иное название: «Ведь это же не совсем точно. Не Сталин создал Израиль. Такова была воля большинства государств, входивших в Организацию Объединенных Наций».

Но я уверен: если бы не Сталин, еврейское государство в Палестине вряд ли бы появилось. А его решение определило не только судьбу современного Ближнего Востока, но и повлияло на политическую историю Советского Союза и Соединенных Штатов.

Доказательством этой точки зрения служат сотни рассекреченных документов из архива внешней политики России. Они собраны в два двухтомных сборника. Один – «Советско-израильские отношения. 1941–1953» – подготовлен министерством иностранных дел России, другой – «Ближневосточный конфликт. 1947–1956» – Международным фондом «Демократия».

Теперь появилась возможность сопоставить мидовские справки, шифротелеграммы послов, записи бесед министров иностранных дел, докладные записки в ЦКс мемуарами политиков и дипломатов, со свидетельствами очевидцев и участников тех драматических событий. И можно наконец ответить на главный вопрос: зачем Сталину понадобился Израиль? Какие планы он строил относительно Ближнего Востока? Почему потом советская линия на Ближнем Востоке так радикально изменилась и что все это принесло нашей стране?

Эта книга не об Израиле, эта книга о политике Москвы на Ближнем Востоке.

Часть первая

Сионисты становятся друзьями Москвы

Каким образом Иван Михайлович Майский все еще оставался послом в Англии, было загадкой. И прежде всего для резидента наркомата госбезопасности, который имел возможность познакомиться с анкетой посла. Резидент, в чьи обязанности входило присматривать за дипломатами, должно быть, не раз задавался вопросом: почему товарищ Сталин терпит этого Майского на столь ответственном посту?

В профессиональных качествах посла сомнений не возникало – прекрасно знает Англию, говорит на нескольких иностранных языках, широко образован, знаком со всеми, кто определяет британскую политику... Но анкета! Его политическое прошлое!

Мало того, что Иван Майский был некогда меньшевиком, хотя и этого достаточно, чтобы пойти по пятьдесят восьмой (политической!) статье Уголовного кодекса прямехонько на Колыму. Но и это не главное: в Гражданскую войну он просто был на стороне врагов советской власти.

Настоящая фамилия Майского – Ляховецкий. В девятьсот втором году его исключили из Санкт-Петербургского университета за участие в социал-демократических кружках и выслали в Сибирь. Он присоединился к меньшевикам, участвовал в первой русской революции. В девятьсот шестом году его вновь арестовали и вновь выслали в Сибирь. В девятьсот восьмом он уехал за границу.

Время на чужбине Иван Михайлович провел с пользой. В двенадцатом году окончил экономический факультет мюнхенского университета. Потом перебрался в Лондон. Здесь он познакомился с Максимом Максимовичем Литвиновым, будущим наркомом иностранных дел.

В Лондоне Литвинов ведал финансовыми делами партии. Он стал ее кассиром, причем очень скупым. Потом он занялся куда более увлекательным, зато и более опасным делом – транспортировкой оружия в Россию. Хорошее отношение Литвинова спасло Майскому жизнь.

После революции Иван Михайлович остался с меньшевиками, был избран в состав ЦК. Он принял участие в последней попытке сохранить на территории России демократическое устройство.

Некоторое количество членов разогнанного большевиками Учредительного собрания перебралось в Самару. Вначале их было всего пять человек, в основном депутаты от Самарской губернии, но они прилагали все усилия, чтобы собрать в городе всех депутатов Учредительного собрания и возобновить работу единственного законно избранного органа власти. Им удалось доставить в Самару около ста депутатов.

Они исходили из того, что правление большевиков приведет либо к восстановлению монархии, либо к немецкой оккупации всей России, и решили установить настоящее демократическое, республиканское правление.

Они образовали Комитет членов Учредительного собрания, который вошел в историю как Самарский Комуч.

В августе восемнадцатого года в Самару приехал Майский:

«Витрины магазинов были полны всевозможными товарами, являя резкий контраст с товарной пустотой, зиявшей в то время в московских магазинах. Вся картина города носила хорошо знакомый, привычный, «старый» характер, еще не нарушенный горячим дыханием социалистической революции. И это невольно ласкало наш глаз, глаз противников советского режима.

Высшего пункта наше настроение достигло, когда мы пришли на рынок. Эти горы белого хлеба, свободно продававшегося в ларях и на телегах, это изобилие мяса, битой птицы, овощей,

масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей нас совершенно ошеломило. После Москвы самарский рынок казался какой-то сказкой из «Тысячи и одной ночи». Причем цены на продукты были сравнительно умеренны».

Иван Михайлович стал управляющим ведомством труда (фактически министром) в самарском Комитете членов Учредительного собрания.

Самое удивительное, что Майскому это сошло с рук! В двадцать первом году он, оценив реальность, присоединился к большевикам. В двадцать втором заместитель наркома Литвинов поставил его заведовать отделом печати наркоминдела.

В мае двадцать пятого года Литвинов отправил Майского в Лондон советником полномочного представительства по делам печати. Летом двадцать седьмого Англия разорвала отношения с Советским Союзом, дипломатам пришлось вернуться домой. Майский два года был советником в полпредстве в Японии, еще три года – полпредом в Финляндии.

В октябре тридцать второго года он вновь прибыл в Лондон уже в роли полпреда и оставался на этом посту больше десяти лет. В сорок первом году Сталин сделал его кандидатом в члены ЦК партии.

Все эти годы Майского именовали полпредом – эта должность дипломатического представителя РСФСР была установлена декретом Совнаркома четвертого июня восемнадцатого года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от девятого мая сорок первого года был введен ранг «чрезвычайного и полномочного посла». Теперь к Майскому обращались так же, как и ко всем другим послам, аккредитованным в Лондоне.

Майский и Вейцман

И вот, к Ивану Михайловичу Майскому третьего февраля сорок первого года пришел необычный гость – Хаим Вейцман. Вообще говоря, он был ученым-химиком с мировым именем. Но к советскому послу он обратился в ином качестве.

В двадцатом году Вейцмана избрали главой Всемирной сионистской организации.

Вейцман появился на свет в небольшом городке на границе Белоруссии, Литвы и Польши как подданный Российской империи. Он не забыл русский язык. Советским дипломатам он с удовольствием рассказывал, как во время Генуэзской конференции весной двадцать второго года его приняли за Ленина.

«На днях, – писал Майский в Москву, – у меня был неожиданный гость: известный лидер сионизма – доктор Вейцман. Высокий, немолодой, элегантно одетый джентльмен с бледно-желтым отливом кожи и большой лысиной... Прекрасно говорит по-русски, хотя выехал из России сорок пять лет назад.

Пришел Вейцман по такому делу: Палестине сейчас некуда вывозить свои апельсины, не возьмет ли их СССР в обмен на меха? Меха можно было бы хорошо сбывать через еврейские фирмы в Америке.

Я ответил Вейцману, что сходу ничего не могу сказать определенного, но обещал навести справки. В порядке предварительном, однако, заметил, что палестинским евреям не следует обольщаться особыми надеждами: фрукты мы, как общее правило, из-за границы не ввозим. Так оно и оказалось. Москва отнеслась к предложению Вейцмана отрицательно, о чем я его сегодня уведомил письмом.

Однако, в связи с разговором об апельсинах Вейцман коснулся вообще палестинских дел. Больше того: он повел речь о положении и перспективах мирового еврейства. Настроен Вейцман крайне пессимистически.

Всего, по его расчетам, сейчас имеется на свете евреев около семнадцати миллионов. Из них десять-одиннадцать миллионов находятся в сравнительно сносных условиях, по крайней мере, им не угрожает физическое истребление. Это евреи, проживающие в США, Британской империи и СССР...

– О чем я не могу думать без ужаса, – так это судьба тех шести-семи миллионов евреев, которые живут в Центральной и Юго-Восточной Европе: в Германии, Австрии, Чехословакии, на Балканах и особенно в Польше. Что с ними будет? Куда они пойдут?

Вейцман глубоко вздохнул и прибавил:

– Если войну выиграет Германия, все они просто погибнут. Впрочем, я не верю в победу Германии. Но если войну даже выиграет Англия, что тогда?

И тут Вейцман стал излагать свои опасения: англичане не любят евреев, особенно их не любят английские колониальные администраторы. Это особенно заметно в Палестине, где живут и евреи, и арабы. Британские «высокие комиссары» безусловно предпочитают арабов евреям.

Английский колониальный администратор обычно проходит школу в таких британских владениях, как Нигерия, Судан, Родезия. Все просто, несложно, спокойно. Никаких серьезных проблем, и никаких претензий со стороны управляемых. Это нравится английскому администратору, и он к этому привыкает. А в Палестине?

Здесь, – оживляясь, продолжал Вейцман, – на такой программе далеко не уедешь. Здесь есть большие и сложные проблемы. Правда, палестинские арабы являются привычными для администратора подопытными кроликами, но зато евреи его приводят в отчаяние. Они всем недовольны, они ставят вопросы, они требуют ответов, подчас нелегких ответов. Администратор начинает сердиться...

Это окончательно настраивает администратора против евреев, и он начинает хвалить арабов. То ли дело с ними! Ничего не хотят и ничем не беспокоят...»

Майский отправил в Москву подробный и эмоциональный (не характерный для дипломата) отчет о беседе.

Неудивительно, что у советского посла остались наилучшие воспоминания о визите Вейцмана. Президент Всемирной сионистской организации производил сильнейшее впечатление на своих собеседников. В определенной степени еврейское государство появилось на свет благодаря прирожденному умению Вейцмана убеждать.

Принято считать, что Израиль был создан западными державами после Второй мировой войны. В какой-то степени это можно считать компенсацией за убийства нацистами шести миллионов евреев. Кроме того, многие западные политики, набожные христиане, руководствовались романтически-религиозными представлениями – описанное в библии возвращение евреев в Палестину должно совершиться. Нельзя сбрасывать со счетов и внутривнутриполитические соображения – избирателей-евреев в Соединенных Штатах было достаточно много, чтобы повлиять на исход президентских выборов.

Во время войны об уничтожении евреев практически не писали. А рассказы о концлагерях воспринимались как слишком большое преувеличение: такого не может быть.

Когда в тридцатые годы бежавшие из нацистской Германии люди пытались объяснить происходящее там американским бизнесменам, те не понимали, чего от них хотят:

– В Германии все неплохо. Улицы чистые, на улицах спокойно. Закон и порядок. Никаких забастовок, никаких профсоюзов, от которых одни неприятности. Никаких агитаторов.

В сорок третьем году, в разгар войны, беженец из Германии попал к члену Верховного суда Соединенных Штатов Феликсу Франкфуртеру. Он хотел рассказать видному американцу о концлагерях, об уничтожении евреев. Выслушав его, Франкфуртер, сам еврей, скептически покачал головой:

– Я вижу, что вы считаете все это правдой. Но я просто не могу в это поверить.

Конечно, западный мир ужаснулся в сорок пятом, когда стали известны масштабы гитлеровских преступлений. Многие европейцы и американцы искренне симпатизировали и сочувствовали евреям, которые после разгрома нацистской Германии не знали, куда им деваться.

Европейские евреи, немецкие, польские, румынские, не могли и не хотели возвращаться туда, откуда их изгнали, и жить среди тех, кто убивал их родных и близких, кто отправлял их в концлагеря и грабил их дома, кто радовался их несчастью...

Но создание еврейского государство зависело не от настроений либеральной общественности. Судьбу Палестины и палестинских евреев решили не американские и британские политики, абсолютное большинство которых было против появления Израиля. Еврейское государство не появилось бы, если бы не Сталин...

Декларация Бальфура

Пожалуй, вся эта история началась с того, что пятого декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года премьер-министром Великобритании стал Дэвид Ллойд-Джордж, решительный человек с репутацией борца за справедливость, а министром иностранных дел – потомственный дипломат лорд Артур Джеймс Бальфур.

Бальфур был философом по натуре, спортсменом, обожавшим теннис и гольф, человеком очень жестким. От своего отца он унаследовал состояние, которое сделало его одним из самых богатых людей в стране; от матери, происходившей из знаменитого аристократического рода, – традицию служения империи. Женщина, в которую он был влюблен, умерла от тифа. Он никогда не женился, хозяйство вела его сестра, посвятившая жизнь брату.

Свою политическую карьеру Бальфур начинал в роли секретаря при своем дяде лорде Солсбери, который в конце девятнадцатого века тоже был министром иностранных дел. Своего рода семейная профессия... В начале двадцатого века Бальфур сменил дядю на посту лидера консервативной партии и три года был премьер-министром. Во время Первой мировой он согласился войти в коалиционное правительство Ллойд-Джорджа сначала в роли первого лорда адмиралтейства (военно-морского министра), затем министра иностранных дел. Семейные амбиции были чужды Бальфуру, он вполне удовлетворялся ролью второго человека, поэтому они хорошо ладили с Ллойд-Джорджем.

В шестнадцатом году Антанта уже брала верх над центральными державами. Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария терпели поражение.

Британские войска под командованием лорда Эдмунда Алленби громили турок, под властью которых находилась Палестина и вообще значительная часть Ближнего Востока. В войсках Алленби сражались солдаты Еврейского легиона – добровольцы-евреи, съехавшиеся из разных стран. Британские власти разрешили сформировать из евреев четыре батальона королевских стрелков (38-й, 39-й, 40-й и 41 – й).

Тридцать первого октября семнадцатого года на заседании британского кабинета министров обсуждалось будущее Палестины. Уже было решено, что Османская империя лишится всех своих завоеваний. Судьбу находившихся под ее управлением народов и территорий решали победители.

Правительство Его Величества постановило, что после войны Палестина станет британским протекторатом и еврейский народ получит там право начать новую историческую жизнь.

Министру иностранных дел лорду Бальфуру поручили уведомить об этом решении британских сионистов – евреев, считавших, что они должны вернуться в Палестину, откуда их когда-то изгнали.

Знаменитая декларация Бальфура от второго ноября семнадцатого года – это письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Джеймса Бальфура, адресованное лорду Уолтеру Ротшильду, президенту Сионистской федерации Великобритании.

В письме Бальфура, одобренном после долгого и бурного обсуждения британским правительством, говорилось:

«Я очень рад уведомить Вас о полном одобрении правительством Его Величества целей еврейского сионистского движения, представленных на рассмотрение кабинета министров.

Правительство Его Величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить достижение этой цели...»

Самая известная британская газета «Таймс» вышла под шапкой «Палестина – для евреев. Правительство поддерживает».

Сообщение о декларации Бальфура британские газеты поместили восьмого ноября – одновременно с корреспонденциями из России, в которых речь шла о большевистском перевороте.

Формула «национальный очаг» была подобрана с дипломатической осторожностью. Что же это такое – обещание помочь евреям создать собственное государство или всего лишь намерение обеспечить им некую автономию в Палестине?

Толковать формулу «национальный очаг» можно было по-разному – в зависимости от собственного желания и настроения. А настроения британского правительства менялись в зависимости от политической ситуации.

В девятнадцатом году британский парламентарий Невилл Чемберлен, будущий премьер-министр, полностью поддерживал устремления сионистов. Он говорил с пафосом:

– Великая ответственность ляжет на сионистов, которые вскоре с радостью в сердце отправятся на свою древнюю родину. Они должны будут создать новую цивилизацию в древней Палестине, заброшенной и столь плохо управляемой.

Для Ллойд-Джорджа, глубоко религиозного человека, возвращение евреев в Палестину было исполнением воли Бога, поскольку премьер-министр весьма почитал Библию.

– Я знаю историю евреев лучше, чем историю моего народа, – говорил Ллойд-Джордж. – Я могу перечислить всех царей израильских. Но я едва ли вспомню дюжину английских королей.

Он обещал, что сделает все, чтобы Палестина стала государством евреев.

– Именно малые народы избраны для великих дел, – говорил Ллойд-Джордж.

Премьер-министр пережил страшную трагедию – погибла его любимая дочь. Это еще больше настроило Ллойд-Джорджа на религиозный лад.

Для лорда Бальфура Библия тоже была живой реальностью. Он был захвачен идеей возвращения евреев на родину, говорил, что христианский мир в неоплатном долгу перед еврейским народом, изгнанным из Палестины. Британские политики, верующие христиане, считали несправедливым, что библейский народ лишен родины. Они хотели восстановить справедливость: евреи должны иметь свое государство.

Накануне Первой мировой войны лорд Бальфур долго беседовал с Хаимом Вейцманом, предлагая ему создать еврейское государство в Африке, на территории нынешней Уганды. Там были незаселенные территории, и британские власти рады были бы появлению там трудолюбивых еврейских поселенцев.

К Вейцману в британском правительстве относились с уважением и благодарностью за его научные труды, имевшие большое значение для военной промышленности. Ллойд-Джордж повторял, что Англия в долгу перед Вейцманом.

– А если бы я предложил британцам устроить столицу в Париже вместо Лондона, – вопросом на вопрос ответил Вейцман, – вы бы согласились?

– Но у нас уже есть Лондон, – с высоты своего положения ответил лорд Бальфур.

– Это так, – согласился Вейцман. – Но у нас был Иерусалим, когда Лондон был еще болотом.

И две тысяч лет, находясь в изгнании, евреи повторяли с неумирающей надеждой: «В будущем году – в Иерусалиме!»

Бальфур задумался над словами Вейцмана, потом поинтересовался:

– Многие ли евреи думают так же, как вы?

– Я верю, – убежденно ответил Вейцман, – что выражаю мнение миллионов евреев, которых вы никогда не увидите и которые не имеют возможности самостоятельно говорить за себя...

Недаром говорили, что Вейцман обладает удивительным даром убеждения. После этой беседы лорд Бальфур превратился в сторонника идеи еврейского государства в Палестине.

Иногда утверждают, что англичане и палестинские евреи не имели права делить чужую землю и отнимать Палестину у арабов, что Израиль – чужеродное тело в сердце арабского мира... В реальности Палестина принадлежала тогда Оттоманской империи. Державы-победительницы считали, что итогом Первой мировой войны должно стать предоставление независимости народам, томившимся под чужим игом. Это произошло и в Европе, и на Ближнем Востоке.

Оттоманская империя распалась, и, благодаря этому, появились такие арабские страны, как Ирак, Сирия, Ливан...

Например, Ирак англичане создали из трех провинций бывшей Оттоманской империи. Причем турки властвовали над территорией современного Ирака больше трехсот лет, но никто не сомневался, что иракцы имеют право на свое государство. Ни сирийцы, ни иракцы, ни ливанцы не возражали против того, что европейские державы таким образом распорядились их судьбами.

Другое дело, что победители делили обширное наследство Оттоманской империи в соответствии с некими историческими реалиями. Границы проводились весьма примерно, что породило в дальнейшем серьезные конфликты между соседями.

Решения, принимавшиеся державами-победителями, конечно же не были идеальными. Поэтому, скажем, сирийцы получили свое государство, а курды, более многочисленный народ, чем палестинские арабы, – нет.

В рамках глобального переустройства всего региона восстановление еврейского государства в Палестине воспринималось как естественное дело.

Изгнанные из Палестины евреи упрямо стремились вернуться. Еврейские общины всегда существовали на палестинской земле. В Иерусалиме евреи жили на протяжении всех столетий с одним перерывом, когда город захватили крестоносцы.

За сто лет до появления Израиля, в тысяча восемьсот сорок четвертом году, в Иерусалиме жили семь тысяч евреев, три тысячи христиан и пять тысяч мусульман. К концу девятнадцатого века Иерусалим населяли двадцать восемь тысяч евреев и семнадцать тысяч мусульман и христиан. В момент провозглашения Израиля в Иерусалиме жили сто тысяч евреев, сорок тысяч мусульман и двадцать пять тысяч христиан...

Разумеется, британскими министрами руководил и политический расчет. Они надеялись, что еврейское государство станет надежным союзником на Ближнем Востоке. Задача состояла в том, чтобы обеспечить надежность морских путей в Индию, которая тогда принадлежала Англии. Для этого необходим был прямой контроль над Египтом и Палестиной. Ллойд-Джордж высказывался тогда очень откровенно:

– Палестинские арабы, которые могли быть во многом полезными, во время войны оказались жалкими трусами. Они сражались вместе с турками против нас.

Франция и Италия поддержали идею самостоятельного еврейского государства и присоединились к декларации британского правительства в восемнадцатом году.

Американский президент Вудро Вильсон в девятнадцатом году предложил передать Соединенным Штатам мандат на Палестину. Он приехал в Париж на конференцию, которая должна была определить условия подписания мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, потерпевшими поражение в войне. Вильсон стал первым американским президентом, отправившимся за границу, за что многие сограждане его осудили: они считали, что глава исполнительной власти должен заниматься делами собственной страны.

Президент Вильсон, идеалист и глубоко верующий человек, вообще был принципиальным сторонником восстановления этнической справедливости и самоопределения наций. Он настоял на том, чтобы после Первой мировой многие народы Европы получили возможность создать себе собственное государство. Так появились и сохранились на политической карте

мира Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия)...

Американский президент не сомневался, что еврейский народ тоже заслужил право на восстановление собственного государства. Третьего марта девятнадцатого года Вудро Вильсон заявил:

– Союзные нации – при полнейшем совпадении с мнением нашего правительства и народа – согласились о том, что в Палестине будут заложены основы еврейского содружества.

К сожалению, Вудро Вильсон был очень больным человеком. В октябре девятнадцатого его разбил удар, и всю левую сторону тела парализовало. Он не успел добиться многого из того, что считал правильным по моральным соображениям.

Болезнь сразила его в пик политической карьеры. На Парижской мирной конференции Вильсон предстал перед человечеством в роли главного миротворца, к которому все прислушиваются. Он не хотел признавать, что он болен, отказывался ехать в больницу. Охрана Вильсона и его вторая жена Эдит делали вид, что с президентом все в порядке. Американцы и не подозревали, что президент умирает. Доступ к нему имели только его жена, секретарь и врач. Ни вице-президент, ни кабинет министров, ни конгресс не могли узнать, каково здоровье Вильсона. Когда государственный секретарь Роберт Лансинг потребовал созвать кабинет, Вильсон пришел в бешенство и потребовал отставки Лансинга...

В апреле двадцатого года на международной конференции в Сан-Ремо выработывались условия мирного договора с Турцией и решалась судьба Ближнего и Среднего Востока. На право управления регионом в равной степени претендовали Англия и Франция. Британский премьер Ллойд-Джордж взял верх над французским премьер-министром и министром иностранных дел Александром Мильераном, который согласился с тем, что Палестина и Ирак будут управляться из Лондона. В том же году бывший социалист Мильеран был избран президентом Франции.

Двадцать пятого апреля в Сан-Ремо Верховный Союзный Совет предоставил Великобритании мандат на Палестину – в первую очередь с целью претворения в жизнь декларации Бальфура. Эти положения были включены в мирный договор с Турцией, подписанный десятого мая в Севре (рядом с Парижем). Некоторые положения Севрского договора были позднее отменены, но только в части, касавшейся территории собственно Турции.

С этого момента обещание создать «национальный очаг для еврейского народа» стало международно признанной обязанностью Англии. В результате длительной процедуры второго июня двадцать второго года пятьдесят одна страна, входившая в Лигу Наций (предшественницу ООН), утвердила этот мандат.

Тридцатого июня конгресс Соединенных Штатов Америки, не вступивших в Лигу Наций, принял резолюцию, в которой говорилось: «Соединенные Штаты благожелательно относятся к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа».

Подмандатную территорию нельзя приравнивать к колонии. Права Великобритании по управлению Палестиной были ограничены – в том числе и во времени. Получение мандата возлагало серьезную ответственность на страну, взявшуюся управлять той или иной территорией.

В международном мандате на управление Палестиной отмечалась «историческая связь еврейского народа с Палестиной». Британским властям предписывалось «создать такие политические, административные и экономические условия, которые наилучшим образом обеспечат создание еврейского национального очага». Имелось в виду, что евреи, которые захотят этого, смогут приехать в Палестину и начать там новую жизнь. Британская администрация – в соответствии с мандатом – должна была «обесценить наиболее благоприятные условия для еврейской иммиграции».

Будущий премьер-министр Уинстон Черчилль подчеркнул, выступая в палате общин в тридцать девятом году, что обещание это относилось и к «евреям вне Палестины, к той широ-

кой массе несчастных, разбросанных, преследуемых, неприкаянных евреев, чьим неизменным, непобедимым чаянием является устройство национального очага».

Иначе говоря, после Первой мировой войны не только абсолютное большинство европейских стран и Соединенные Штаты, но и Лига Наций безоговорочно поддержали идею возрождения еврейской государственности в Палестине.

Хотя уже тогда английские политики заложили основы будущего территориального конфликта. Голанские высоты были переданы Сирии, находившейся под французским управлением, а территории к востоку от реки Иордан – Трансиордании, там евреям было запрещено селиться.

Первым британским верховным комиссаром Палестины был назначен сэр Герберт Сэмюэл, бывший депутат палаты общин и главный почтмейстер (сейчас бы его назвали министром связи). Он приступил к исполнению обязанностей первого июля двадцатого года. При назначении учитывалось еврейское происхождение Сэмюэля – британское правительство подчеркивало свое желание исполнить обещанное в декларации Бальфура и помочь евреям.

Когда после Первой мировой в Палестину пришли англичане, евреи встретили их как освободителей. Закончилось османское владычество, продолжавшееся четыреста лет. Но большинство английских офицеров предпочитали иметь дело с арабами и не понимали, чего от них хотят евреи.

Очень скоро политика Англии в Палестине изменилась. Евреев там было мало, арабов много. Англия предпочла сделать ставку на арабов. Герберта Сэмюэля сменил фельдмаршал лорд Плюмер. Вернувшийся в Лондон Сэмюэл возглавил фракцию партии либералов в палате общин, а после того, как его за заслуги перед родиной произвели в виконты, перешел в палату лордов. Он умер, немного не дожив до девяноста трех лет.

Мнение Дзержинского

В Советской России равнодушно наблюдали за событиями в далекой Палестине. Активные сионисты покинули Россию до революции или вскоре после нее.

Сионистские настроения были широко распространены среди российского еврейства (подробнее см. книгу известного историка Геннадия Васильевича Костырченко «Тайная политика Сталина»),

Если бы не раздел Польши, евреев в России вовсе бы не было. Но прихватив немалую часть польского королевства, императрица Екатерина II обрела и еврейских подданных. Им было обещано равенство в правах, но они его так и не увидели.

Евреи, в силу давних религиозных предрассудков, воспринимались как нежелательный элемент. Ведь только в двадцатом веке Второй Ватиканский собор убрал из церковных текстов упоминания о вине еврейского народа за распятие Иисуса Христа. Двадцать восьмого октября шестьдесят пятого года католическая церковь приняла декларацию, осуждающую все проявления антисемитизма и подчеркивающую, что ни древние, ни современные евреи не несут ответственности за смерть Христа. И только в восемьдесят седьмом году папа римский Иоанн Павел II впервые посетил римскую синагогу и, беседуя с главным раввином Рима, назвал иудеев «старшими братьями христиан»...

Долгое время евреи жили в своих местечках в Российской империи совершенно обособленно. Российской власть это тоже не устраивало. Правительственный указ от восьмисот сорок пятого года предписал евреям отказаться от традиционной одежды и одеваться, как все. Обучение русскому языку уменьшило изоляцию еврейских местечек. Разрушение традиционной еврейской общины вело к вовлечению евреев в общую жизнь России. Они стали учить русский язык и получать образование.

Но устроить свою жизнь евреям было трудно – государственная служба была для них закрыта, военная карьера невозможна. Земледелие исключено – им не разрешали покупать землю. Работать в промышленности было нельзя, поскольку запрещалось селиться в крупных городах, где были заводы.

Оставались медицина, наука, культура, но не может же целый народ этим заниматься! Основная масса евреев существовала в беспросветной нищете, перебивалась ремесленничеством, кустарничеством, мелкой торговлей, отсюда и пошло представление о евреях, как о торгашах, которые ни к чему другому не пригодны.

Образованная еврейская молодежь, видя, что русский крестьянин находится в столь же безысходной нужде, из лучших побуждений стала присоединяться к народническому движению, заниматься просветительской деятельностью. Если до этого евреев упрекали в том, что они живут замкнуто, не хотят интересоваться делами всей страны, то тут уже посыпались обвинения в излишней политической активности.

Еврейские национальные организации возражали против участия евреев в революционном движении. Они считали, что Россия все равно будет относиться к евреям, как к чужим. К началу Первой мировой войны из России бежало больше полутора миллионов евреев. В основном они обосновались в Соединенных Штатах, немало содействуя процветанию Америки.

Сионистские организации хотели, чтобы еврейская молодежь готовилась к переезду в Палестину и не участвовала в революции и вообще не влезала в российские дела.

У нас часто говорят о «сионистах», видимо, плохо представляя себе значение этого термина.

Сионисты – люди, считающие, что все евреи должны вернуться на историческую родину, а не стараться ассимилироваться в странах, куда их привело изгнание. До момента возвраще-

ния в Палестину они должны избегать всякого участия в политической жизни страны, их приютившей.

Но многие молодые евреи, рассматривая Россию как свою страну, полагали, что не имеют права оставаться в стороне, когда решается судьба родины. Так появилось целое поколение революционеров, борцов за общее дело, для которых еврейское происхождение не имело никакого значения. Они не делили людей по национальному или религиозному признаку.

Еврейскую массу, как и всю Россию, раздирали внутренние противоречия. Никакого единства в еврейской среде не было. Одни поддержали Октябрьскую революцию, другие бежали из страны, третьи ждали, когда, наконец, закончится эта смута.

Во время Гражданской войны евреи пережили страшную трагедию, в погромах гибли десятки тысяч людей. Триста тысяч еврейских детей остались сиротами. Это происходило в основном на Украине, где долгое время не было крепкой власти, и где хозяйничали такие ата-маны, как Нестор Махно и Николай Григорьев. Антисемитизм процветал на территориях, которые занимала Белая армия. Да и многие части Красной армии мало чем отличались от махновцев.

Но справедливо было бы сказать, что еврейские погромы были составной частью общероссийского погрома – Гражданской войны, жертвами которой стал почти миллион человек.

Основная масса евреев, которые после Октябрьской революции еще оставались в местечках, только проиграла от того, что власть перешла к большевикам. Вся их жизнь разрушилась. Они жили ремеслом и торговлей, которые теперь были запрещены. Их лишали избирательных и других прав. Вместе с православными храмами закрывались и синагоги. Еврейских религиозных деятелей сажали. Иудаизм жестоко преследовался.

Спасаясь от голода, в поисках работы еврейская молодежь хлынула в города. Появление большого количества евреев на заметных должностях после Октябрьской революции, особенно в партийном аппарате, в ВЧК, объяснялось тем, что большевиков вообще было мало. Должностей оказалось больше, чем кандидатов. Евреи-большевики были абсолютно преданы революции, надежны и лояльны к новой власти. Они были яркими сторонниками крепкого централизованного государства, это новая власть особенно ценила, когда страна распадалась на куски.

Многие годы полагают, что еврей-чекисты или еврей-комиссары вели себя особенно жестоко, и их жестокость объясняется просто: они не жалели ни России, ни русских.

В реальности еврей-большевики порвали всякие связи с еврейской средой, которая боялась революции. Они перестали говорить по-еврейски и вообще воспринимали себя как русские.

Хотя член политбюро Лев Давидович Троцкий на пленуме ЦК в октябре двадцать третьего года очень откровенно говорил, почему он отказывался от некоторых крупных должностей:

– Мой личный момент – мое еврейское происхождение. Владимир Ильич говорил двадцать пятого октября семнадцатого года, лежа на полу в Смольном: «Мы вас сделаем наркомом по внутренним делам, вы будете давить буржуазию и дворянство». Я возражал, и моя оппозиция была решительная.

Ленин презирал антисемитов, поэтому он вспылал:

– У нас великая международная революция, какое значение могут иметь такие пустяки?

– Революция-то великая, – ответил Троцкий, – но и дураков осталось еще не мало.

– Да разве ж мы по дуракам равняемся?

– Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?

Назначению на пост наркома по военным делам Троцкий тоже сопротивлялся.

– И что же, – говорил он, – я был прав. Это сильно мешало. В моей личной жизни это не играло роли; как политический момент это очень серьезно. Владимир Ильич считал это

пунктиком. Владимир Ильич предлагал мне быть его замом в Совнаркоме. Я отказывался из тех же соображений...

Как и другие революционеры, люди типа Троцкого считали себя выше национальностей и ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. А что касается безумной, ничем не оправданной жестокости, то в Гражданской войне по этой части отличились решительно все.

Сталин еще в тринадцатом году сформулировал ленинскую позицию по национальному вопросу. Он дал определение нации – исторически сложившаяся общность, живущая на одной территории. Евреи при такой точке зрения нацией не являлись. Как минимум, у них не было своей территории. Общей у них оставалась только религия. Большевики считали, что решение еврейского вопроса – это ассимиляция. В России все евреи станут русскими, и проблема исчезнет.

В начале восемнадцатого года в составе наркомата по делам национальностей (наркомом был Сталин) образовали комиссариат по еврейским национальным делам. Его возглавил член коллегии наркомата Семен (Шимон) Маркович Диманштейн, принципиальный противник сионизма, большевик с дореволюционным стажем – был приговорен Рижским военным судом к четырем годам каторги. Он перевел программу партии на идиш и иврит.

С июля восемнадцатого года в российских городах, где было много евреев, в местных организациях РКП(б) создавались еврейские секции. В октябре появилось центральное бюро еврейских коммунистических секций при ЦК партии, им руководил тот же Диманштейн. Евсекции, подчинявшиеся подотделу национальностей отдела агитации и пропаганды ЦК, просуществовали десять с лишним лет и были ликвидированы в январе тридцатого года.

Что касается сионизма и положения в Палестине, то в Москве этим не интересовались. Еврейский вопрос будет решен в Советской России, а Палестиной пусть занимается Коминтерн.

Всякое напоминание о существовании в стране сионистов вызывало у руководителей страны удивление.

Тринадцатого февраля двадцать четвертого года Еврейское телеграфное агентство передало короткое сообщение из Москвы:

«Изгнание евреев из Москвы приостановлено. Благодаря жалобе, посланной на имя вице-президента Совета народных комиссаров Льва Каменева и других членов правительства, массовое изгнание так называемых «нежелательных» элементов (почти все евреи) из Москвы приостановлено.

Еврейская община в Москве и Еврейский общественный комитет помощи подали об этом меморандум правительству, на который последнее ответило заверением, что с сего времени каждое выселение в отдельности будет предварительно основательно обследовано».

Это сообщение прочитали в центральном бюро еврейских секций при ЦК, перевели на русский язык и ознакомили с ним высшее руководство страны (подробнее см. журнал «Источник», № 4/1994).

Интерес к этой проблеме проявил председатель ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский. Это его подчиненные высылали из столицы «социально-паразитический элемент», то есть людей из прошлой жизни, непролетарского происхождения.

Феликс Эдмундович отправил возмущенную записку своему первому заместителю по ОГПУ и одновременно начальнику секретно-оперативного управления Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому:

«Я думаю, такой телеграммы так им спускать нельзя. Что это за Евр. Тел. Агентство?

Не считаете ли, что было бы полезно возобновить высылку накипи и дать в «Известиях» подробный отчет о высылаемых – за что, с подразделением на национальности и с образным описанием их проделок?

Что это за Еврейский Общественный Комитет? Как реагировать на эту мерзость? Может быть, передать весь материал Евсекции для использования против сионистов?..»

В аппарате госбезопасности сионистами ведало 4-е отделение секретного отдела, входившего в секретно-политическое управление. Кроме того, 4-е отделение занималось еще и кадетами, монархистами, черносотенцами и бывшими жандармами.

Начальником отделения был Яков Михайлович Генкин, начинавший до революции в Екатеринославе подмастерьем в слесарно-водопроводных мастерских. Потом он нашел место жестянщика-паяльщика на консервном заводе в Ставрополе. После революции он стал председателем Херсонского губкома, в девятнадцатом году ушел в подполье, когда Красная армия оставила город. В двадцатом его взяли в ВЧК. Через два года Генкина постигло несчастье. Во время командировки в Тамбов он заболел тифом, тяжелое осложнение закончилось ампутацией ноги. Но он продолжал служить в госбезопасности.

По просьбе председателя ОГПУ в 4-м отделении секретного отдела подобрали материалы о российских сионистах. Они произвели на Дзержинского неожиданное впечатление.

Своим заместителям Менжинскому и Ягоде он писал:

«Просмотрел сионистские материалы. Признаться, точно не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности? Большая часть их нападков на нас опирается на преследование их нами. Они преследуемые – в тысячу раз опаснее для нас, чем непреследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа поэтому для нас вовсе не опасна – рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами их, долетят до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам немало.

Программа сионистов нам не опасна, наоборот, считаю ее полезной.

Я когда-то был ассимилятором. Но это «детская болезнь».

Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу.

Ругать евсекцию разрешить – то же и евсекции. Зато нещадно бить и наказывать спекулянтов (накипь) и всех нарушающих наш закон. Пойти-таки сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной».

Прежде Дзержинский выступал против требования большевиков о праве наций на самоопределение. Феликс Эдмундович был искренним интернационалистом и говорил:

«Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм».

Он был яростным противником даже польских националистов, которые мечтали о самостоятельном государстве. Выступая против отделения Польши от революционной России, Дзержинский утверждал:

– У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров.

Под влиянием Ленина он изменил свои взгляды и теперь считал неумным мешать тем евреям, которые мечтают о своем государстве в Палестине.

Через год Феликс Эдмундович вернулся к этой теме и написал еще одну записку Менжинскому:

«Правильно ли, что мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, то есть работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот, – это не создает рекламы меньшевизму.

Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна».

Через месяц секретный отдел представил Дзержинскому справку о репрессиях в отношении сионистов. Ее подписали Генкин и начальник секретного отдела ОГПУ Терентий Дмитриевич Дерибас, которого ждала большая карьера в госбезопасности и... расстрел.

Весной двадцать пятого в тюрьмах сидело тридцать четыре сиониста, еще пятнадцать были отправлены на три года в концлагеря. В ссылке находилось сто двадцать четыре человека.

«За границу, – докладывали председателю ОГПУ Дерибас и Генкин, – выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел. В этом вопросе мы придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент, члены ЦК, Губкомов,

у кого найдены серьезные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий- в Палестину не выпускаем. Менее активный элемент в Палестину выпускается.

Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 г. мы преимущественно высылали в Палестину, это явилось серьезным стимулом для усиления нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность поехать на общественный счет (сионистских и общественных организаций) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление...»

Феликс Дзержинский остался при своем мнении. Прочитав справку, вновь адресовался к Менжинскому:

«Все-таки думаю, столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять на сионистов, чтобы они отказались от своей контр-революционной работы по отношению к Советской власти.

Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в политбюро. Сионисты имеют большое влияние и в Польше, и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?»

Через год, в июле двадцать шестого года, Дзержинский, тяжелый сердечник, скоропостижно скончался после выступления на пленуме ЦК. Отношение карательных органов к сионистам осталось прежним – их числили среди противников советской власти.

Еврейская коммунистическая рабочая партия Поалей-Цион (Рабочие Сиона) рассматривалась на Лубянке как враждебная организация, хотя ничего антисоветского в ее деятельности невозможно было найти и запрещать ее было не за что. Поалей-Цион возникла в начале двадцатого столетия в Минске, потом ее организации появились в других странах, в том числе и в Палестине.

В девятнадцатом году партия раскололась, появилась еще и Еврейская коммунистическая партия Поалей-Цион. В июне двадцать второго года исполком Коминтерна обратился к поалей-сионистам с призывом отказаться от своей программы и вступить в Коминтерн. Новая партия прислушалась к мнению исполкома. В декабре двадцать второго она объявила о самороспуске и призвала всех членов партии вступить в РКП(б). Правда, часть руководителей партии не подчинились общему решению и пытались сохранить партию.

Четвертого декабря двадцать четвертого по записке ОГПУ было принято постановление политбюро:

«Ввиду того, что ЕКП (Поалей-Цион) сама распадается, считать нецелесообразным ее ликвидацию мерами ГПУ, но и не допустить ее регистрации в НКВД».

А основная партия действовала еще несколько лет на законных основаниях. Она пыталась вступить в Коминтерн на правах самостоятельной секции, но безуспешно. Активистов Поалей-Цион постепенно арестовывали, хотя в партию входила еврейская молодежь абсолютно коммунистических, большевистских взглядов, преданная советской власти.

Двадцать четвертого мая двадцать восьмого года политбюро утвердило решение оргбюро ЦК, принятое тремя днями ранее:

«Согласиться с решением ЦК о необходимости ликвидации легально существующей партии ЕКРП (Поалей Цион)».

В ночь на двадцать шестое июня по всей стране были взяты все, кто еще принадлежал к партии. Поалей-Цион прекратила свое существование.

К лояльным евреям, как и ко всем национальным меньшинствам, в первые годы после революции власть относилась более чем доброжелательно. Советская Россия была первым государством, где боролись против антисемитизма и где антисемитов наказывали. Правда, продлилось это недолго.

Евреи создавали театры, газеты и школы, где говорили, писали и учили на идиш. Появились еврейские колхозы и еврейские национальные районы. В двадцать восьмом году приняли решение создать еврейскую область на Дальнем Востоке – Биробиджан. Еврейские общины других стран давали деньги на развитие Биробиджана. Туда перебралось некоторое количество евреев из других стран, вдохновленных идеей свободной жизни на своей земле. Поехали даже из Палестины, где среди евреев царили упадочнические настроения – англичане по существу отказались от своих обещаний.

На одном из заседаний политбюро в двадцать восьмом году постановили:

«Разрешить переселение из Палестины семидесяти пяти евреев-земледельцев, поручив народному комиссариату земледелия вести об этом переговоры с представителем ЦК коммунистической партии Палестины в благожелательном духе, с тем, однако, чтобы от нас на это не требовалось никаких ассигнований».

Евреи были готовы ехать хоть за тридевять земель, чтобы обрести возможность работать на земле и чувствовать себя полноценными людьми, которых окружающие воспринимают как равных.

Левый публицист Отто Хеллер в книге «Гибель еврейства. Еврейский вопрос, его критика и его решение», вышедшей в Вене в тридцать втором году, восторженно писал:

«Евреи уходят в тайгу. Если вы спросите у них о Палестине, они рассмеются. Мечты о Палестине давно успеют кануть в историю к тому времени, когда в Биробиджане появятся автомобили, железные дороги и теплоходы, когда задымят трубы гигантских заводов...

В будущем году в Иерусалиме?

История давно дала ответ на этот вопрос. Еврейские пролетарии, голодающие ремесленники Восточной Европы ставят теперь иной вопрос: на следующий год – в социалистическом обществе! Что такое Иерусалим для еврейского пролетариата?

В будущем году в Иерусалиме?

В будущем году – в Крыму!

В будущем году – в Биробиджане!»

Но эксперимент не получился – место было выбрано неподходящее, мало пригодное для развития, да и евреев ничего не связывало с берегами Амура.

Советская разведка в какой-то момент заинтересовалась Палестиной: а нельзя ли и здесь поднять революцию?

В конце двадцать третьего года в Палестину по линии иностранного отдела (внешняя разведка) ОГПУ командировали знаменитого чекиста Якова Серебрянского. До революции он был эсэром-максималистом и начал свою карьеру соучастием в убийстве начальника минской тюрьмы. Он получил орден Красного Знамени за похищение лидера русской военной эмиграции, бывшего генерала Белой армии Александра Кутепова в Париже. А потом возглавлял спецгруппу при наркомате внутренних дел – диверсии и террор за границей.

Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года и, разочарованный, вернулся домой. Революция в Палестине, которая казалась сонным и неразвитым местечком, была отложена до лучших времен, вернее, до появления там достаточного количества революционного материала.

Ближний Восток входил в сферу интересов Восточного отдела ГПУ, которым руководил Ян Христофорович Петерс. Потом этим регионом ведал Стилиан Дмитриевич Триан-дофилов, служивший в ВЧК с двадцать первого года. После него восточным сектором иностранного

отдела ОГПУ руководил Георгий Сергеевич Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад в тридцатом году.

Палестиной занимался Эфраим Соломонович Гольденштейн, врач по специальности. Он был резидентом в Анкаре и пытался работать в среде палестинских коммунистов. По словам Агабекова, в Москву приезжали сионисты, которые просили оружие для борьбы с англичанами. Но в ОГПУ решили, что они английские агенты, и переговоры прервались.

В центральном аппарате разведки палестинскими делами ведал Моисей Маркович Аксельрод, известный арабист. Он окончил юридический факультет Московского университета и арабское отделение института востоковедения, работал в Саудовской Аравии. Аксельрод рассказывал Агабекову:

– В Египте мы, получая копии донесений английского верховного комиссара в Каире, всегда в курсе тамошних событий. О Палестине мы имеем сведения из тех же английских источников, о Сирии черпаем данные из докладов французского военного атташе в Константинополе. В Сирии и Палестине только недавно взялись за организацию нашей агентуры. Блюмкин вот уже шесть месяцев как объезжает эти страны. Он уже кое-кого завербовал, но сведений от них пока не поступало.

В октябре двадцать восьмого года нелегальным резидентом иностранного отдела ОГПУ в Константинополь отправили Якова Григорьевича Блюмкина, того самого, который шестого июля восемнадцатого года убил германского посланника при правительстве Советской России графа Вильгельма Мирбаха.

Легальным резидентом в Константинополе, работавшим под крышей советского полпредства, был Яков Григорьевич Минский, много лет служивший в разведке. Через турецкую резидентуру прошел еще известный боевик – Наум (Леонид) Исаакович Эйтингон, дослужившийся до генерал-майора и арестованный в пятьдесят первом году по обвинению «в принадлежности к сионистской организации в министерстве государственной безопасности». Но среди всех выделяют обычно Блюмкина, как самую известную фигуру.

Шестого июля восемнадцатого года в два часа дня сотрудники ВЧК Яков Блюмкин и Николай Андреев (он был фотографом отдела по борьбе с контрреволюцией) прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Дзержинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Немецкий посол принял их в малой гостиной.

«Я беседовал с ним, смотрел ему в глаза, – рассказывал потом Блюмкин, – и говорил себе: я должен убить этого человека. В моем портфеле среди бумаг лежал браунинг. «Получите, – сказал я, – вот бумаги», – и выстрелил в упор. Раненый Мирбах побежал через большую гостиную, его секретарь рухнул за кресло. В большой гостиной Мирбах упал, и тогда я бросил гранату на мраморный пол...»

Это было сигналом к вооруженному восстанию левых социалистов-революционеров. Эсеры, которые были единственными политическими союзниками большевиков, возмутились подписанием мира с Германией.

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Ее приложил к мандату заместитель председателя ВЧК Вячеслав Александрович Александрович (настоящая фамилия – Дмитриевский, партийный псевдоним Пьер Оранж), левый эсер, которого уважали за порядочность и честность.

В ВЧК Вячеслав Александрович руководил отделом «по борьбе с преступлениями по должности». Он был бескорыстным человеком, мечтал о мировой революции и всеобщем благе. Он был пружиной мятежа левых эсеров и убийства Мирбаха.

Дзержинский объяснял на допросе:

«Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к под-

ложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

В семнадцать лет, после февральской революции, Яков Блюмкин присоединился к левым эсерам. Через год, в июне восемнадцатого года, его утвердили начальником отделения ВЧК по противодействию германскому шпионажу. Он начал очень активно действовать, но ему как эсеру не доверяли, и меньше чем через месяц отделение ликвидировали. Блюмкин остался без работы.

Блюмкин так объяснил причины теракта:

«Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир...

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами.

Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист беру на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

подавив мятеж левых эсеров, Александровича и еще двенадцать человек под горячую руку расстреляли. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. Андреев заболел сыпным тифом и умер. Блюмкин принимал участие в неудачной попытке убить гетмана Скоропадского. Революционный трибунал приговорил его к трем годам лишения свободы. Весной девятнадцатого он пришел с повинной в ВЧК. Девятнадцатого мая президиум ВЦИК реабилитировал Блюмкина.

Он служил на Южном фронте, учился в Военной академии РККА и работал в секретариате наркома по военным и морским делам Троцкого. В двадцать третьем его взяли в иностранный отдел ОГПУ. У него было множество друзей в литературных кругах, среди работников Коминтерна, которые им искренне восхищались.

«Я знал и любил Якова Григорьевича Блюмкина, – писал агент Коминтерна Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич). – Высокий, костистый, мужественный, с гордым профилем древнеизраильского воина, он занимал тогда соседний с Чичериным ледяной номер в гостинице «Метрополь». Он готовился отправиться на Восток для выполнения тайных заданий».

Вокруг его работы в Константинополе ходит множество слухов, но резидентом внешней разведки Блюмкин пробыл всего год. Много сделать он не успел. По словам Агабекова, в Палестине у него был всего один агент – хозяин пекарни в Яффе.

Карьера Блюмкина закончилась, когда в Константинополе он тайно встретился с высланным из страны Троцким, согласился отвезти в Москву письма и повидать прежних сторонников Льва Давидовича.

Приехав в Москву после долгого отсутствия, он не понимал сути происшедших в стране перемен. Для него Троцкий и его соратники были недавними руководителями партии, которые разошлись во мнениях с большинством, но не стали от этого врагами. За свою наивность Блюмкин был жестоко наказан. Он стал рассказывать близким людям о беседе с Троцким. В том числе – сотруднице иностранного отдела Елизавете Юльевне Горской. На следующий день она информировала начальство.

Во время следующей встречи с Горской на улице возле Казанского вокзала пятнадцатого октября двадцать девятого года Блюмкина арестовали. Сталин обошелся без суда.

Пятого ноября политбюро приняло решение:

«а) Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменническую антисоветскую работу Блюмкина.

б) Блюмкина арестовать.

в) Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской».

Встреча с Троцким была признана преступлением куда более опасным, чем убийство германского посла...

Елизавете Горской эта история не повредила. Напротив, в ОГПУ высоко оценили ее поведение. Ее первый муж, чью фамилию она носила, служил в лондонской резидентуре. Во второй раз она вышла замуж тоже за сотрудника госбезопасности, Василия Михайловича Зарубина, дослужившегося до генеральских погон.

Заодно сменили руководство Восточным отделом внешней разведки. Тридцать первого октября освободили от должности Яна Петерса. Шестого ноября отдел возглавил Торичан Михайлович Дьяков. Меньше чем через год, десятого сентября тридцатого, Восточный отдел расформировали и влили в состав особого отдела ОГПУ с задачей контрразведывательной работы. Вся разведка сосредоточилась в иностранном отделе.

Пятого февраля тридцатого года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе иностранного отдела ОГПУ, обозначив главные направления работы советской разведки. Ближний Восток в этом перечне отсутствовал.

Двадцать шестого мая тридцать четвертого года политбюро приняло подробное постановление о работе военной разведки. Работу на Ближнем Востоке тоже не включили в перечень главных направлений работы IV управления Красной армии.

Некоторые члены Хаганы (подпольные боевые отряды, из которых впоследствии родилась армия обороны Израиля) ездили в Москву и возвращались назад убежденными коммунистами. Но в целом организация не подпала под контроль Коминтерна, хотя многие палестинские евреи придерживались социалистических идей. Члены Хаганы либо работали в похожих на колхозы сельскохозяйственных кооперативах (кибуцах), либо состояли в левых профсоюзах (Гистадруте – Всеобщей федерации труда).

Кибуц – это поселение, основанное на коммунистическом принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Молодые евреи из России, Польши, Румынии обильно удобряли скудную палестинскую землю своим потом и кровью. Никогда еще люди не пытались построить счастливое общество на земле такой огромной ценой и с таким самопожертвованием.

В августе двадцать третьего года съездил в Москву и будущий первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион: делегация Гистадрута представляла палестинских трудящихся на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Сохранилось удостоверение, выданное ему исполкомом объединенной еврейской трудовой федерации Палестины:

«Настоящим удостоверяем, что г.г. Д. Бен-Гурион, главный секретарь Объединенной еврейской трудовой федерации Палестины, и Меер Рутберг, директор Центрального потребительского кооператива «Гамашбир», делегируются нами принять участие в Московской сельскохозяйственной выставке и действовать как представители Объединенной федерации, «Гамашбир», Рабочего Банка и других учреждений Федерации, вести переговоры с правительством и коммерческими учреждениями относительно возобновления торговых и коммерческих отношений между Палестиной и Россией и учредить в случае необходимости Русско-Палестинскую торговую компанию».

Бен-Гурион и его товарищи привезли в Москву консервированные фрукты, табак, бананы, оливковое масло, листовой табак, вино, миндаль, лимоны и апельсины (подробнее см. «Источник», № 1/1993).

Делегация составила для иностранного отдела главного выставочного комитета справку по истории торговых отношений между Россией и Палестиной, в которой отмечала, что Палестина может стать для России выгодным рынком сбыта промышленных товаров и строительных материалов.

В политике Бен-Гурион был успешнее, чем в торговле. К заключению контрактов поездка не привела. Но политические впечатления оставила сильные.

Взгляды молодого Давида Бен-Гуриона представляли экзотическую смесь социализма и идеалистического сионизма.

– Необходимо не только организовать рабочий класс, но и воспитать его и закрепить в Палестине, – говорил будущий премьер-министр Израиля.

Он восхищался Лениным и верил, что коммунизм гарантирует евреев от антисемитизма. Ему еще предстояло пережить горькое разочарование в советской политике относительно Израиля и евреев...

Даже в Коминтерне не особенно интересовались Палестиной, поскольку особой надежды на подъем там революционного движения никто не питал.

Пятого июля двадцатого года так называемое Малое бюро исполкома Коммунистического интернационала поручило Елене Дмитриевне Стасовой, недавнему секретарю ЦК партии, организовать Ближневосточное бюро. Малое бюро было руководящим органом Коминтерна, председателем которого был Григорий Евсеевич Зиновьев, член политбюро и один из самых близких к Ленину людей.

Ближневосточное бюро, не успев поработать, было упразднено вторым конгрессом Коминтерна.

В январе двадцать первого года в центральном аппарате исполкома Коминтерна создали отдел Ближнего Востока. Потом преобразовали в Восточный сектор.

Заведовал сектором Георгий Иванович Сафаров, чьи познания в восточных делах очень ценили. Когда в начале тридцатых политбюро озаботилось подготовкой учебника новой истории «колониальных или полуколониальных народов» (сейчас бы сказали – народов Азии, Африки и Латинской Америки), то руководить бригадой поручили Карлу Радеку, в недавнем прошлом члену ЦК и исполкома Коминтерна.

Ознакомившись с трудами ученых, Радек написал в сентябре тридцать четвертого года письмо Сталину:

«Если Вы настаиваете на установленном сроке, то есть чтобы до июня будущего года книга была готова, то единственный выход, чтобы ее писали только два человека – Сафаров и я. Я знаю, что про Сафарова многие товарищи высказывают сомнения. Но я думаю, что эти сомнения более относятся к его склонности к тактическим недолетам или перелетам. Что касается знакомства с литературой по истории Японии, Китая и Индии, он стоит выше всех других наших людей».

Георгий Сафаров был близок к Зиновьеву. В двадцать втором году он одновременно был назначен редактором «Ленинградской правды» и мало занимался коминтерновскими делами. После отстранения Зиновьева от власти Сафаров тоже потерял должность и был отправлен секретарем полпредства в Китай, затем в Турцию. В двадцать девятом его вернули в аппарат исполкома Коминтерна, где он работал до ареста в декабре тридцать четвертого.

В мае двадцать третьего восточный отдел возглавил Радек, меньше чем через месяц, в начале марта двадцать четвертого года, его сменил недавний заместитель наркома по морским делам и полпред в Афганистане Федор Федорович Раскольников, который пользовался псевдонимом Ф. Петров.

В марте двадцать шестого года, в рамках очередной реорганизации, образовали секретариат для Ближнего и

Дальнего Востока. В двадцать восьмом году Восточный лендерсекретариат, как теперь назывался региональный отдел, вместо Раскольникова возглавил Отто Вильгельмович Куусинен, чуть ли не единственный видный коминтерновец, которому суждено было уцелеть. Он оставался на руководящей работе и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле. Известен тем, что приметил и выдвинул Юрия Владимировича Андропова.

Но коминтерновские востоковеды интересовались в основном Китаем, Японией, Индией. На Среднем Востоке – Ираном, Афганистаном и Турцией. За тем, что происходило на Ближнем Востоке наблюдали – и не очень пристально – из Турции.

Еще восьмого августа двадцатого года в аппарате Коминтерна образовали секретный отдел (он же – отдел международной связи). Задача отдела – поддерживать нелегальные отношения с иностранными компартиями, передавать им указания, литературу, деньги, оружие и переправлять за рубеж партийных функционеров. При отделе существовала курьерская служба. Отдел снабжал своих людей фальшивыми паспортами, снимал для них конспиративные квартиры. По существу это была еще одна спецслужба с большими возможностями и хорошим бюджетом. Отдел тесно сотрудничал с политической и военной разведками.

Пункт связи на Ближнем Востоке устроили в Константинополе. Заведовал отделом со второго мая двадцать первого года Иосиф (Осип) Аронович Пятницкий.

В девятнадцатом году была основана Социалистическая рабочая партия Палестины, через два года ее переименовали в коммунистическую. Возглавил нелегально существовавшую партию Иосиф Бергер, он действовал под фамилией Барзилай. Он родился в Кракове, в двадцатом году перебрался в Палестину, где нашел место рабочего на строительстве дороги.

Бергер несколько раз приезжал в Москву, в двадцать девятом году с ним беседовал сам Сталин. По указанию Москвы Бергер пытался проводить «арабизацию» партии. В тридцать втором году его отозвали в Москву. Он работал в Коминтерне. В тридцать пятом его арестовали. Приговорили к смертной казни, но не расстреляли.

Бергер (Барзилай) отсидел в советских лагерях двадцать один год. В пятьдесят шестом его реабилитировали. Ему разрешили уехать в Польшу, поскольку родился он в Кракове. Через год он попросил разрешения выехать в Израиль.

Двадцать второго июня пятьдесят седьмого года генеральный секретарь ЦК израильской компартии Микунис пришел к советскому послу в Тель-Авиве Абрамову с просьбой повлиять на поляков, чтобы они не выпускали Бергера.

«К Советскому Союзу, – втолковывал Микунис послу, – Барзилай относится враждебно. Он требует, чтобы на открытии съезда компартии была почтена память погибших от рук советских фашистов. Приезд этого человека ничего кроме вреда не принесет»...

Боевой работой в компартии занимался Иерахмиэль Лукачер, родившийся в Ташкенте. В Первую мировую он служил в турецкой армии. Его подпольная деятельность началась с того, что он в двадцать третьем году убил турецкого полицейского Туфик-бея, виновного в еврейском погроме. Он уехал в Германию, где присоединился к коммунистам. Вернувшись в Палестину, Лукачер вступил в компартию и создал курсы для подпольной военной школы еврейских поселенцев. В тридцать первом году его выслали в Советский Союз, и следы его затерялись.

В Палестине работали также Адольф Краус и Константин Вайс (Авигдор) вместе с группой евреев, приехавших из Советского Союза. Первоначальная задача состояла в том, чтобы создать группы сторонников Советского Союза. Одновременно они формировали – и вполне успешно – коммунистическое движение в соседнем Египте.

Авигдор некоторое время был руководителем египетской компартии. Впрочем, арабы-коммунисты считали евреев пришлыми людьми и скоро от них избавились. Некоторые египетские коммунисты стали впоследствии поклонниками Гитлера, поскольку они воевал против англичан и уничтожал евреев (см. монографию профессора Григория Косача «Красный флаг над Ближним Востоком?»).

Евреи-коммунисты рассматривали трудящихся арабов как союзников по классовой борьбе. Но арабов классовые чувства не интересовали. Они участвовали в еврейских погромах на территории Палестины. Поэтому среди евреев, придерживавшихся левых взглядов, сфор-

мировался «пролетарский сионизм». Они продолжали верить в коммунизм, но видели, что могут рассчитывать только на самих себя.

Представители партии Поалей-Цион стремились к тесным отношениям с Коминтерном. Они приезжали на конгрессы Коминтерна, выступали. Но их позиция подвергалась жесткой критике – за то, что поалей-сионисты отделили борьбу еврейского пролетариата от борьбы арабского большинства. Коминтерн требовал решительно отказаться от сионизма и не признавал Поалей-Цион как организацию «социалистически ориентированного еврейского пролетариата всего мира».

В тезисах II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросу говорилось: «Сионизм под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплуатации арабское трудящееся население Палестины».

Зато арабское национальное движение признавалось прогрессивным, поскольку в основном состояло из крестьян (см. книгу Г. Косача «Красный флаг над Ближним Востоком?»).

Коммунисты выделились из Поалей-Цион и создали собственную партию. Генеральным секретарем ЦК Палестинской компартии стал Вольф Авербух. В Первую мировую он служил в русской армии. С двадцать второго года жил в Палестине.

Авербух – первый еврей-коммунист, который пытался сотрудничать с арабами. Первоначально в Палестинской компартии арабов не было, первого араба приняли в двадцать пятом году. Палестинские коммунисты сразу же призвали арабских рабочих действовать сообща.

«Еврейский рабочий, солдат революции, – говорилось в одной из листовок, – протягивает вам руку как ваш союзник по борьбе против английских, еврейских и арабских финансистов. Его судьба и ваша едины...»

Но попытки создать единый фронт арабского и еврейского рабочего класса не увенчались успехом.

«Арабские трудящиеся массы, – писал ставший одним из руководителей Палестинской компартии Махмуд аль-Атраш, – не могли доверять людям, которых звали Хаим, Авраам и Ицхак. Они не могли идти вперед под их руководством, даже если эти люди и были лучшими борцами за национальную независимость. Для арабских масс они принадлежали к национальному меньшинству, которому империализм предоставил необъятные привилегии за счет арабских народов...»

Махмуд аль-Атраш три года учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, после чего его ввели в состав ЦК Палестинской компартии.

А будущий генеральный секретарь компартии Ридван аль-Хелу и вовсе вступил в партию, чтобы сделать ее инструментом борьбы с сионизмом. Он с недоверием относился к евреям-коммунистам и настаивал на том, что руководить партией должны арабы. Такого же мнения придерживались в исполкоме Коминтерна в Москве. Евреев постепенно вытесняли из руководства Палестинской компартии.

Шестнадцатого октября двадцать девятого года политсекретариат исполкома Коминтерна принял постановление «О повстанческом движении в Арабистане».

Антиеврейские волнения в Палестине, когда арабы убивали евреев, в Коминтерне оценили как начало буржуазно-демократической революции, как великое освободительное движение арабского народа.

От Палестинской компартии требовали ускоренной «арабизации» и сотрудничества с арабскими националистами. Указание было выполнено. Осенью тридцать пятого года ЦК Палестинской компартии принял обращение «За союз всех арабов и их друзей против империализма». ЦК предлагал развернуть борьбу «за ликвидацию сионизма, прекращение еврейской иммиграции и разоружение всех сионистов». Приезд в Палестину евреев рассматривался как империалистический заговор, цель которого – «создать в этом важном в стратегическом отношении районе мира реакционный антисоветский фронт».

Вслед за этим палестинские коммунисты-арабы установили контакты с иерусалимским муфтием Амином аль-Ху-сейни, который ненавидел евреев и со временем вступил в союз с Гитлером.

Совместная работа евреев и арабов внутри партии стала невозможной.

Еще один руководитель компартии Нахум Лещинский родился в Кривом Роге. Как и Бергер он жил в Палестине с двадцать второго года. Лещинский перешел на работу в Восточный отдел исполкома Коминтерна. В двадцать девятом году он попросил восстановить его в советском гражданстве.

Вольфа Авербуха в тридцатом году британские власти выслали в Советскую Россию, где он и погиб в годы репрессий.

Филби-старший, Филби-младший и ваххабиты

Многие занимавшиеся Палестиной английские политики, дипломаты, военные и разведчики были агрессивными противниками сионизма. Среди них заметное место занимал сэр Джон Филби-старший, отец знаменитого советского разведчика.

Джон Филби сыграл важную, хотя и мало кому известную роль в истории Ближнего Востока. Он был одним из создателей Саудовской Аравии.

Филби родился на Цейлоне (ныне Шри-Ланка), работал в британской колониальной администрации в Индии. Карьера у него не заладилась, и он с удовольствием принял предложение перебраться в Багдад. Он прибыл туда в разгар Первой мировой войны, в девятьсот пятнадцатом году.

В Багдаде Филби открыл для себя мир шпионажа. В паутине интриг он чувствовал себя, как рыба в воде. Он хорошо владел арабским языком и часто переодевался в одежды бедуина. Как кто-то пошутил, его европейское происхождение выдавало только одно – его ноги были недостаточно грязными. Джон Филби, выдавая себя за араба, даже побывал в Баку на первом съезде народов Востока в сентябре двадцатого года, где было две тысячи делегатов из тридцати стран.

Филби-старший был неординарной личностью.

Недруги рассказывали о его нетрадиционной сексуальной ориентации. Вернее, утверждали они, в постели мужчины интересовали его не меньше, чем женщины. Историки разведки пишут, что, если американские спецслужбы боялись гомосексуалистов, как огня, не доверяли им, потому что их могут шантажировать, то британская разведка, напротив, охотно принимала таких людей. Это придавало британской разведке дух закрытого мужского клуба – только для своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.